

педагогика детства

Лев
Толстой

**Воспитание
в свободе**

Лев Николаевич Толстой
Константин Е. Сумнительный
М. В. Богуславский
Воспитание в
свободе. Избранные
педагогические статьи
Серия «Педагогика детства»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11791040

Л.Н. Толстой Воспитание в свободе: Избранные педагогические статьи /Составители, вступительная статья М.В. Богуславский, К.Е.

Сумнительный: Издательский дом «Карпуз»; Москва; 2005

ISBN 5-8403-1083-2

Аннотация

В книге представлены наиболее интересные статьи, фрагменты трудов, письма, дневниковые записи великого русского писателя и замечательного педагога-гуманиста Льва Николаевича Толстого (1828–1910), относящиеся к образованию, развитию детей и семейному воспитанию. Значительную часть книги составляет «Азбука» Льва Толстого, которая поможет родителям и учителям вызвать у детей интерес к осмысленному чтению, любовь к

русскому слову. Это источник народной мудрости, поистине азбука жизни. Предназначенная родителям и воспитателям книга будет полезна преподавателям и студентам педагогических учебных заведений.

Содержание

К читателям	6
Воспитание в свободе	8
Первые опыты	10
Страстное увлечение	15
Воспитание в семье	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лев Николаевич Толстой
Воспитание в
свободе. Избранные
педагогические статьи

© Издательский дом «Карапуз», 2005.

© М.В. Богуславский, К.Е. Сумнительный,
составление, вступ. ст., 2005.

К читателям

Имя Льва Николаевича Толстого приходит к нам в детстве вместе с мудрыми притчами, загадками, рассказом про Филиппка, который очень хотел учиться. Затем, взрослея, мы начинаем постигать классические литературные произведения писателя: кружимся на балу с Наташей Ростовою, идем с Пьером по горящей Москве 1812 года, страдаем вместе с Анной Карениной.

Но литературное и философское наследие классика далеко не исчерпывает его вклад в мировую и отечественную культуру. По сути, на протяжении всей своей жизни, в течение более чем шестидесяти лет Лев Николаевич обращался к широкому спектру педагогических проблем, вопросам семейного воспитания. Блестящие по форме, его педагогические размышления полны мудрых откровений, порой поражающих своей новизной и нетрадиционностью.

Сейчас, в начале XXI века, все яснее становится то огромное влияние, которое оказал Л.Н. Толстой на различные сферы русской культуры, в том числе и на образование. С личностью писателя связаны традиции свободного воспитания, реализация идей природосообразности, ненасильственной гуманной педагогики. Его «Азбука» находится в центре внимания передовых методистов начального обучения. А реализованные им принципы (индивидуального подхода к ребенку,

стимулирования познавательного интереса и творческой активности учащихся, естественного воспитания, народности педагогики и школы) и сейчас во многом определяют развитие отечественного образования. Символично, кстати, что Толстой на Западе почитается как виднейший русский педагогический мыслитель.

Творчество этого великого человека может стать мощным импульсом для педагогической и научной деятельности. Особенно это важно помнить во времена сложных перемен в образовании и культуре, времена поиска истин и ценностей.

Воспитание в свободе

Лев Николаевич Толстой (1828–1910) родился 9 сентября в усадьбе Ясная Поляна Тульской губернии. Он принадлежал к старинному дворянскому роду. Отец писателя – граф Николай Ильич Толстой, мать – Мария Николаевна, урожденная княгиня Волконская. Родители Льва Николаевича умерли рано. Самые теплые чувства связали юного Левочку с его тетушкой Т.А. Ергольской, которая заменила ему мать, вырастила и воспитала. С осени 1841 до весны 1847 г. Толстой у нее в Казани, учась в Казанском университете: год на восточном отделении философского факультета и два на юридическом. Здесь он увлекся философией Гегеля, Вольтера, Руссо. Особенно близки оказались ему взгляды Ж.-Ж. Руссо, которые соответствовали и его собственным мыслям о мире.

Педагогическая деятельность Толстого традиционно делится на три периода: первый – 1859–1862 гг., второй – 1870–1876 гг., третий – начиная с конца 80-х гг. и до конца жизни писателя.

На протяжении всего сложного, противоречивого и даже драматичного жизненного и педагогического пути Лев Николаевич Толстой не раз менял свои взгляды отрешался от многих, казалось бы, непреложных истин. Но незыблемой оставалась базовая идея его педагогического мировоззрения

– это свобода личности в процессе воспитания и образования.

Именно это кредо Толстого вызывало наибольшее раздражение в различных общественных кругах, в том числе и педагогических.

Первые опыты

В первом номере журнала «Ясная Поляна» Лев Николаевич пишет: «... Мне становится страшно и за себя и за те мысли, которые годами вырабатывались во мне и которые я считаю за истинные». Это заявление вовсе не кокетство и не поза, он как будто предвидит, что каждая его статья, каждое высказывание будет подвергаться беспощадной критике. Но Толстой хорошо понимал, что дело образования и воспитания не менее, а может даже и более сложно, чем писательство. Все его педагогические идеи могут показаться простыми и даже наивными, но они накрепко связаны с окружающей его реальной жизнью. Много позже другой писатель, французский летчик Антуан де Сент-Экзюпери, с горечью признает: «Того, что меня мучит, не излечить бесплатным супом для бедняков. Мучительно не уродство этой бесформенной, измятой человеческой глины. Но в каждом из этих людей, быть может, убит Моцарт».

Но Толстому недостаточно одного знания этого горького факта. Его натура требует активных действий для предотвращения подобного убийства. Пожалуй, это и есть самый сильный мотив, побуждающий его к педагогической деятельности. Не случайно еще до отмены крепостного права он открывает школу для детей крестьян – самого бесправного населения России.

К практическому участию в деле народного просвещения Л.Н. Толстой стремился уже с юношеских лет. Об этом свидетельствует его ранний, в значительной степени автобиографический рассказ «Утро помещика». Главный персонаж рассказа студент Нехлюдов оставил университет, не дослушав факультетского курса до конца. Такое решение он принимает, определившись в своем мировоззрении. Герой рассказа пришел к убеждению, что самое главное в жизни – делать добро людям, среди которых живешь. Личное счастье невозможно без благополучия других, и до тех пор, пока многочисленный класс народа – крестьянство – прозябает в нищете и невежестве, общественное благополучие, а, следовательно, и твое собственное, невозможно. Нехлюдов ставит перед собой благородную и гуманную цель: «Действовать на этот простой, восприимчивый, неиспорченный класс народа, избавить его от бедности, дать довольство, передать им образование, которым, по счастью, я пользуюсь, исправить их пороки, порожденные невежеством и суеверием, развить их нравственность, заставить полюбить добро... Какая блестящая, счастливая будущность!»

Самое надежное, если не единственное, средство к достижению поставленной цели он видит в обучении и образовании народа, оказывающем гуманизирующее влияние, оберегающее и развивающее «первообраз гармонии, правды, красоты и добра», с которым человек появляется на свет.

Как и герой рассказа «Утро помещика», в 21 год Л.Н.Тол-

стой начинает обучать крестьянских детей. Он открывает в Ясной Поляне бесплатную школу и ведет в ней уроки.

В 1849 г., когда Толстой, собрав тридцать яснополянских детей, впервые попробовал учительствовать, школ для крестьян практически не было. В некоторых деревнях за обучение брались отставные солдаты. У них было от 2 до 6 учеников, которым «педагоги» предлагали зубрить стишки. Учитель занимался посторонними делами, а вместо себя оставлял старшего из учеников, который должен был поддерживать «порядок», следя за тем, что бы остальные не баловались, а беспрерывно выкрикивали заданные им слова.

Практика телесных наказаний была столь привычна, что школа Л.Н. Толстого, где детей запретили сечь, сначала вызвала у родителей недоверие. Считалось, что научить ребенка чему-либо без порки невозможно.

Лев Николаевич дает беспощадную характеристику типичному «учителю» того времени: «Я убежден, что эти люди по обязанности своей должны быть тупы и жестоки, как палачи, как живодеры, должны пить, чтобы заглушить в себе раскаянье в совершаемом ежедневно преступлении над самыми лучшими, честными и безобидными существами в мире». Толстой хочет создать совершенно другую школу, основанную на принципе полной свободы учащихся. Его стремление становится понятным, если внимательно вчитаться в страницы его литературных произведений.

Именно о детях и детстве написаны самые светлые, прони-

занные ностальгией страницы. Уже на закате жизни, в 1903 г. писатель по просьбе биографа начинает работать над «Воспоминаниями». В них он выделяет четыре периода своей жизни. Первый из них, до 14 лет, он описывает как «чудный, в особенности в сравнении с последующими, невинный, радостный, поэтический». Этот период можно назвать эмоционально-духовным основанием педагогической деятельности писателя. Но есть и другое, философско-мировоззренческое основание. Это увлечение идеями французского просветителя, сторонника свободного воспитания Ж.-Ж. Руссо.

Первая школа, 1849 г., по воспоминаниям ее учеников, была даже слишком свободной. Лев Николаевич проводил с детьми довольно много времени. Забавы, которые он придумывал для отдыха на переменах, были бесконечно далеки от современных ему представлений об образе учителя. Один из учеников Льва Николаевича, Ермил Базыкин, вспоминал: «Да мало ли он чудил. Поташил нас раз осенью на охоту. Расставил тенета на Воронке, а нас, мальчиков, заставил лаять по-собачьи.... Всего не припомнишь. Обходился он с нами хорошо, просто. Нам было с ним весело, интересно, а учителю он всегда приказывал нас не обижать».

Возможно, школа так и осталась бы только чем-то средним между развлечением и экспериментальной проверкой сложившегося к этому времени мировоззрения, но первые педагогические опыты оказались непродолжительными. Весной 1951 г. молодой дворянин был призван на армейскую

службу. Сначала Толстой попадает на Кавказ, затем, в 1854–1855 г., – находится среди защитников Севастополя.

Страстное увлечение

В ноябре 1855 г. Толстой выходит в отставку и приезжает в Петербург, где публикует несколько рассказов, повесть «Казачья» и автобиографическую трилогию «Детство. Отрочество. Юность». В ней он стремится проникнуть в духовный мир ребенка, подростка, юноши, осмыслить их переживания, понять, как формируются в этом возрасте нравственные начала, в том числе и под влиянием целенаправленного обучения. Критика обращала внимание современных Толстому читателей на то, что молодого автора более всего занимают «психический анализ», «диалектика души». И это не случайно. Следует заметить, что в то время в российской педагогической науке формулировался постулат, гласящий: чтобы воспитывать человека во всех отношениях нужно, прежде всего, узнать его также во всех отношениях. Это требование оказалось удивительно созвучным литературному творчеству Л.Н.Толстого того периода. Через всю трилогию проходит мысль о необходимости уважительного отношения к личности ребенка – мысль, которая впоследствии станет основополагающей в собственно педагогической концепции Толстого.

В Петербурге Толстой попадает в литературные круги, знакомится с Н.А. Некрасовым, И.С. Тургеневым, И.А. Гончаровым, А.Н. Островским, Н.Г. Чернышевским, объеди-

нившимися вокруг журнала «Современник». Молодой автор не может остаться в стороне от горячих дискуссий между западниками и славянофилами о роли и месте просвещения и грамотности, но свое мнение по этому поводу он выскажет несколько позже в резкой статье, осуждающей стремление свести задачи народной школы только к обучению грамоте.

Фактически Лев Николаевич разделяет позицию славянофилов, изложенную в статье В.И. Даля «Письмо к издателю А.И. Кошелеву». Даль писал: «Но разве просвещение и грамотность одно и то же? Грамотность только средство, которое можно употреблять и на пользу просвещения, и на противное – на затмение... Грамотность сама по себе ничему не вразумит крестьянина, она скорее собьет его с толку. Перо легче сохи, вкусивший без толку грамоты норовит в указчики...» Позже Толстой не раз будет ссылаться на эту статью. Он чувствует всю трагичность разрыва между образованностью книжной и жизненной. В многочисленных дискуссиях и спорах вынашивается отношение Льва Николаевича Толстого к проблемам образования. Восприняв некоторые взгляды славянофилов, писатель попытается реализовать их в педагогической практике.

Видимо, окончательно решение вернуться к педагогической деятельности созревает во время первого заграничного путешествия Толстого. Он посещает парижский университет Сорбонну, присутствует на лекциях, интересуется и другими учебными заведениями и даже посещает торжественное

заседание Французской академии. В Цюрихе знакомится с работой института для слепых и глухонемых, который считается образцовым заведением.

Из поездки, в ходе которой Толстой посещает, кроме Франции и Швейцарии, еще и Германию с Италией, он выносит довольно критичное отношение к современной западной педагогике. Он видит здесь ту же «болезнь»: оторванность педагогики от реальной жизни народа, его насущных нужд. Толстой записывает в дневнике: «Главное – сильно, явно пришло мне в голову завести у себя школу в деревне для всего околотка и целая деятельность в этом роде».

В 1859 г. по деревне Ясная Поляна оповестили о желании графа вновь открыть бесплатную школу для всех желающих детей. Как вспоминали бывшие ученики этой школы, своим простым и добрым отношением к тем, кто привел своих детей, Лев Николаевич преодолел недоверие родителей. Созданная им в школе атмосфера оказалась настолько привлекательной, что число учеников быстро выросло с 22 до 70 человек. Этот период своей жизни (1859–1862) Толстой назовет временем «трехлетнего страстного увлечения... педагогическим делом».

Сама школа вызывала удивление. Вот как описывал царящий в ней уклад американский педагог Эрнст Кросби: «Маленький колокол, висевший на крыльце, звонил каждое утро в восемь часов. И через полчаса появлялись дети. Никогда никому не делали выговоров за опоздание, и никогда никто

не опаздывал. С собой никто ничего не несет – ни книг, ни тетрадок. Уроков на дом не задают. Никакого урока, ничего сделанного вчера ученик не обязан помнить нынче. Его не мучит мысль о предстоящем уроке. Он несет только себя, свою восприимчивую натуру и уверенность в том, что в школе нынче будет весело так же, как вчера».

Такая модель школы вполне соответствовала тогдашним представлениям Толстого. Он жестко разделяет образование и воспитание, а также теоретическое (неживое) знание и знание, приобретенное через конкретный опыт и необходимое для практической жизни. «Всякое учение должно быть только ответом на вопросы, возбужденные жизнью», – напишет Лев Николаевич, открывая дискуссию, точка в которой не поставлена до сих пор.

Сам Толстой в этот период понимает под образованием свободное получение индивидуумом знаний, а под воспитанием – их насильственную передачу. Писатель призывает учителя искать разные увлекающие детей приемы преподнесения знаний, становясь предтечей такого направления в педагогике, как учение с увлечением. Образование, где стимулом являются не розги, а интерес ученика, определяется им как свободное.

Позже противники Льва Николаевича будут упрекать его в том, что он идеализирует роль народа в определении той школы, которая народу необходима. Да и сам Толстой признает: «Страх и потому побои крестьянин считает главным

средством для успеха и потому требует от учителя, чтобы не жалели его сына». Тем не менее, Толстой не отказывается от положения, по которому народ должен стать главным заказчиком образования. Подтверждение своим взглядам он находит во время второго путешествия в Европу. Оно состоялось в 1860–1861 гг. и полностью было посвящено ознакомлению с европейской системой народного образования. После посещения школ Германии Толстой записывает в дневнике: «Ужасно. Молитва за короля, побои, все наизусть, испуганные, изуродованные дети». Лев Николаевич находит только одну живую школу в Иене. Остальные, по его замечанию, «совсем мертвы». Встреча с известным немецким педагогом А. Дистервегом скорее укрепляет неприятие немецкой школы. Толстой пишет в дневнике: «Умен, но холоден и не хочет верить, и огорчен, что можно быть либеральнее и идти дальше его. Воспитание кладет задачей». Очевидно, что последняя фраза в устах Льва Николаевича звучит как приговор. Ведь воспитание для него практически синоним недопустимого, ничем не обоснованного насилия.

Посещая школы Марсея, он убеждается в несовершенстве и даже отсталости французской системы образования. Он отмечает, что, даже зная арифметические действия, дети не могут решать самых простых задач. А отвечая на вопросы по истории, ученики сбиваются, если им предлагают хоть немного отойти от выученного наизусть. По мнению Толстого, только реальная жизнь, кипящая в больших европейских

городах, противостоит отупляющему стремлению таким образом «воспитывать» народ. Он противопоставляет организованную передачу не связанных с жизнью знаний и «бессознательное», стихийное образование, которое чаще всего ребенок получает за пределами школы. Писатель замечает: «Там, где жизнь поучительна, как в Лондоне, Париже и вообще в больших городах, народ образован, там, где жизнь не поучительна, как в деревнях, народ не образован, несмотря на то, что школы совершенно одинаковы как тут, так и там».

Вся его педагогическая практика в то время становится попыткой примирить школу и жизнь, сделать новое знание о мире интересным для детей, пробуждающим в них творческое начало, присущую любому ребенку одаренность.

Путешествие по Европе, все увиденное и обдуманное помогают Льву Николаевичу точнее определить свои позиции. Поднять главный вопрос начатой в журнале «Ясная Поляна» дискуссии: «Чему и как учить?»

В педагогических работах Толстого появляется такое понятие, как деятельность. Она рассматривается и как средство понимания процессов развития культуры и человека, и как принцип, определяющий цели и содержание образования. К сожалению, многие идеи, высказанные Толстым, так и не получили развития, так как Лев Николаевич отказывается от замысла написать теоретический педагогический трактат. Тем не менее, Толстой стремится осмыслить педагогическую деятельность, понять механизмы передачи и освоения зна-

ний и для этого изучает современные ему теории познания. В результате он делает вывод, что хотя содержание обучения и воспитания со временем видоизменялось, но «принцип отбора и передачи оставался прежним». Знания отбираются беспорядочно, исходя из индивидуального опыта и философских воззрений учителя, и не ведут к достижению высокого уровня умственного и нравственного развития детей.

Сам ребенок при таком подходе становится объектом воздействий педагога, лишается самостоятельности, пассивен и запуган. Наблюдаемая Толстым практика «предметных уроков», которые считались последним словом педагогической науки, окончательно убеждают писателя в этом. Введение таких уроков привело к тому, что вместо отдельных учебных предметов в школе преподавали своеобразные комплексные темы. Толстой описывает результаты такого обучения (которые он наблюдал в одной из лондонских школ) по теме «хлопчатая бумага». «Надо было видеть спокойную самоуверенность директора, когда он и учитель делали вопросы о том, какое растение – хлопчатая бумага? Как оно обрабатывается? Где производится? Каким путем приходит к нам и как выделяется на фабриках? Ученики отвечали отлично, очевидно наизусть. Я попросил позволения сделать от себя несколько вопросов. Я спросил: к какому классу растений принадлежит хлопчатая бумага; спросил – какая почва нужна для нее; спросил – сколько весит кубический фут хлопчатой бумаги при укладке? Спросил – как укладывается хлоп-

чатая бумага; что стоит перевозка ее; нагрузка и выгрузка; какие химические части ее; что делается с ней, когда она подмокнет... Все эти вопросы, кажется, относились к предмету бумаги, но, разумеется, ответить на них ученики мне не могли». По мнению Толстого, слабость этой методики в том, что дети не получают систематизированных знаний. Вместо них учитель сообщает произвольно выхваченные из разных наук факты, которые требуется только заучить, не понимая логики и связи между ними.

Писатель вступает в заочный спор с знаменитым педагогом И.-Г. Песталоцци, из-за ошибки которого, по убеждению Толстого, произошли «несообразности и ничем не объяснимые нелепости общенаглядного обучения у нас и за границей». По мнению Толстого, задача школы состоит в том, чтобы привести в порядок, классифицировать явления, которые в реальной жизни встречает каждый ребенок. «Классификация же есть наука, имеющая свои законы, а не предметные уроки и наглядное обучение, не имеющие никакой внутренней системы и потому никакого обаяния на ум учеников»

Тем большее возмущение вызывали у Толстого попытки копировать западноевропейские образовательные методики в России. Работы крупнейших методистов того времени изобилуют ссылками на труды немецких педагогов, и российскую школу строят по немецкой модели, в которой «маленьким дикарям» сообщают элементарные сведения. «Может быть, дети готтентотов, негров, может быть, иные немец-

кие дети могут не знать того, что им сообщают в таких беседах, но русские дети, кроме блаженных, знают не только, что вниз, что вверх, что лавка, что стол, что два, что один и т. п., но, по моему опыту, крестьянские дети, посылаемые родителями в школу, все умеют хорошо и правильно выражать мысли, умеют понимать чужую мысль (если она выражена по-русски) и знают считать до десяти и более», – писал Толстой.

Попытки объяснить детям хорошо знакомые им понятия с помощью заимствованной в Германии методики только путают их. Жесткая критика писателя вызывает ответную критическую волну. Его обвиняют чуть ли не в разрушении народного образования, особенно земского, в критиканстве и отсутствии конструктивных идей. Понадобилось немало времени, чтобы обиженные резкостью писателя российские методисты признали, что Толстой был во многом прав. Известный теоретик педагогики и методист Н.Ф. Бунаков, оппонировавший Толстому, в конце концов соглашается с тем, что критика писателя подействовала «...отрезвляющим образом на педагогов, увлекшихся немецкой методикой, забывших в своем крайнем увлечении требования народной жизни и невольно впадавших в крайность и преувеличения».

Что касается конструктивных идей, они, несомненно, были. Доказательство этому – успешная практика яснополянской школы. Другое дело, что для того времени они оказались слишком смелыми и не могли быть по ряду причин

предложены массовой школе, которую выстраивали тогда русские педагоги. Отсюда, возможно, подчеркиваемый оппонентами Толстого конфликт с известным русским педагогом К.Д. Ушинским. «Прежде всего, представляется вопрос, можно ли, действительно, сопоставлять значение в нашей педагогике Ушинского и Толстого? И на этот вопрос придется дать отрицательный ответ. Ушинский создавал для нас педагогическую теорию, к созданию этой теории он подходит вооруженный всем запасом учености, приобретенной многосторонним изучением. Он не отстраняет от себя результатов немецкой педагогики, потому что она немецкая; он говорил только, что далеко не все может быть воспринято из этой педагогики нами, русскими», – пишет, например, профессор Н.К. Грунский.

У Толстого действительно нет незыблемых и систематизированных педагогических представлений, более того, его педагогические взгляды меняются на протяжении жизни. Сегодня с той или иной степенью уверенности можно говорить о возможности реконструкции идей Льва Николаевича. Так, протестуя против школьной муштры и предметных уроков, Толстой настаивает на сознательном усвоении систематических знаний, формировании теоретических обобщений. Выделяя содержание, которое должно стать предметом усвоения, Толстой пишет: «Существенное условие всякого преподавания состоит в том, что из бесчисленного количества разнородных явлений избираются однородные явления, и зако-

ны этих явлений сообщаются учащимся. Так, при обучении языку (грамота) сообщаются ученикам законы слова, в математике – законы числа». То есть предлагается совершенно иной, отличный от существовавшего, принцип отбора содержания образования, где любой учебный предмет формируется как система научных понятий. Этот принцип внешне входит в противоречие с призывом Толстого облегчить учение, но в том-то и дело, что, по его замыслу, трудности обучения должен брать на себя учитель. Это означает, что он не должен удовлетворяться такими занятиями, как переписывание, диктовка, чтение вслух без понимания, а обдумывать и готовить каждый урок, следить за ходом мысли ученика, давать ему возможность задавать любые вопросы и только на них отвечать. Писатель замечает: «... Учителю кажется легким самое простое и общее, а для ученика только сложное и живое кажется легким».

По Толстому, чем труднее учителю, тем легче ученику. Именно на учителя возлагается задача знать потребности, способности своего ученика. Чтобы справиться с этими задачами, учитель, по мысли Толстого, должен любить свое дело и быть в постоянном творческом поиске. По мнению Льва Николаевича, школа «должна быть и орудием образования, и вместе с тем опытом над молодым поколением, дающим постоянно новые выводы». Толстой предлагает реальные способы, которые помогут организовать учебную деятельность детей таким образом, чтобы они смогли пройти

пусть ускоренный, но самостоятельный путь до рождения научной идеи, совершения открытия. Конечно, для этого необходимо «найти эти обобщения, и от них, представляя новые факты, переводить на высшие – вот, следовательно, задача педагогики. Задача одинаковая в одном человеке с задачей науки в человечестве, но не обратная, как будто предполагается всеми учебными книгами».

Фактически Толстой ставит совершенно новые педагогические задачи. Для их решения нужен, как бы мы сегодня сказали, новый гуманистически ориентированный учитель. В школе Толстого учитель становится педагогом в современном понимании. Именно он определяет допустимые рамки свободы в отношениях учителя и учеников. Руководствуясь верой в то, что дети готовы подчиняться разумным ограничениям, учитель строит свою работу так, чтобы школьники поняли и приняли, «что нужно подчиниться известным условиям для того, чтобы учиться», и приняли договоренность.

Практика яснополянской школы убедительно доказала неэффективность наказаний. Толстой исходит прежде всего из моральных соображений, утверждая, что «наказание вредно не столько потому, что оно озлобляет того, кого наказывают, но еще и потому, что развращает того, кто наказывает». В наше время вред наказаний подтвержден и серьезными психологическими исследованиями.

Другой толстовский принцип, который воспринимался

некоторыми наблюдателями как проявление анархии, предполагал невмешательство школы в мелкие стычки между детьми.

Отношения в школе Толстого были демократичными, учитель готов был ориентироваться не на механическое выполнение каких-либо методик обучения, а на интересы ребенка. Преподаватель «никогда не позволял себе думать, что в неуспехе виноваты ученики, – их леность, шаловливость, тупоумие, глухота, косноязычие, – а твердо знал, что в неуспехе виноват только он».

В начале 1860-х гг. идеи Толстого получают развитие. В окрестностях Ясной Поляны возникают новые школы, для которых Лев Николаевич подбирает учителей (часто это отчисленные за вольнодумство студенты). Все разлаживается после серии обысков, которые проводятся в школах в то время, когда писатель уезжает на кумысолечение в Башкирию. Лев Николаевич обращается с протестом к Александру II, но доверие к школе у крестьян подорвано. Не спасает даже приезд в Ясную Поляну жандармского офицера с извинениями.

В 1862 году выходит и последний номер журнала «Ясная Поляна». Его направление было бездоказательно признано как «низвергающее основные правила религии и нравственности». Толстой с горечью констатирует: «Народ смотрит на меня уже не как на честного человека, – мнение, которое я заслуживал годами, – а как на преступника, поджигателя или делателя фальшивой монеты, который только по плутовству

увернулся». Все эти обстоятельства, а также женитьба охлаждают педагогический пыл Толстого. К тому же он начинает работу над романом-эпопеей «Война и мир».

К педагогической практике Толстой возвращается только в 1871 г. В это же время он сдает в печать свою «Азбуку»¹, которая была задумана еще в 1868 г. После целого ряда задержек и технических сбоев в 1872 г. она наконец выходит в свет в 4-х томах, но, несмотря на радужные ожидания, практически не раскупается. Толстой пишет известному литературному критику, философу и близкому другу Н.Н. Страхову: «Азбука не идет, и ее разбрали в «Петербургских ведомостях», это меня почти не интересует. Я так уверен, что воздвиг памятник этой азбукой. От Буняковского получил на 20 страницах письмо об арифметике. Он хвалит и критикует, дельно в том отношении, что я напрасно в дробях исключил все прежние приемы». Министерство народного просвещения отказалось рекомендовать «Азбуку» Толстого в качестве учебника для школы.

Самые горячие споры вызвал предложенный Львом Николаевичем новый метод обучения грамоте. Некоторые методисты почти сразу обвинили писателя в возврате к считавше-

¹ В первой редакции «Азбуки» Лев Николаевич Толстой преследовал две цели. Одна из них – научить читать – обычна для подобных книг, но, кроме того, «Азбука» должна была стать своеобразной энциклопедией для начальной школы, что, собственно, и погубило ее, сделав издание слишком «тяжелым». Толстой согласился исправить эту явную ошибку в «Новой азбуке», но принципиально и последовательно отстаивал свой способ обучения чтению. – *Сост.*

муся архаичным буквослагательному методу². Другие отмечали оригинальность его методики, «состоявшей в том, чтобы называть все согласные с гласными буквами и складывать на слух без книг». Писатель горячо отстаивает свое изобретение. Правда, устроенная им экспериментальная проверка

² В России долгое время использовался буквослагательный способ обучения; собственно, само слово «азбука» – следствие этого метода, так как составлено из двух первых букв кириллицы. В первой половине XIX в. появляются буквари и азбуки, составленные по слоговому методу. Слоговой метод давал возможность использовать упрощенный гражданский шрифт вместо церковнославянского, заменить названия букв славянского алфавита («аз», «буки») сокращенными названиями (а, бе, ве). В середине XIX в. появляются азбуки и буквари, построенные по звуковому методу, делающему процесс обучения чтению более сознательным, легким, приспособленным к возрасту детей. Новизна звукового метода, пришедшего на смену устаревшему и крайне затруднительному буквослагательному, заключалась в том, что учащиеся не складывали буквы, а упражнялись в анализе целых слов, выделяя из них слоги и звуки. В 1884 г. К.Д. Ушинский выпустил «Родное слово», включающее «Азбуку» и «Первую после азбуки книгу», составленные по звуковому аналитико-синтетическому методу. Вводя новую систему обучения грамоте, порвав со всеми традициями буквослагательного и слогового метода, Ушинский требует от детей не заучивания всех букв в алфавитном порядке, а усвоения их по степени трудности. По методу Ушинского, дети выделяли звуки из простейших слов – ау, уа, оса, учились писать буквы, обозначающие их, и читали написанное. Умело сочетая анализ и синтез, Ушинский сделал процесс обучения грамоте осознанным. Л.Н.Толстой, выпустив в 1985 г. «Новую азбуку», назвал свой способ обучения «слуховым», т.к. в указаниях для учителей вводил слуховые упражнения в разложении слов и слогов на звуки и соединении их в слоги и слова. С первых уроков грамоты ученики записывали печатным шрифтом буквы и слова, а затем переходили к чтению по азбуке. «Новая азбука» является азбукой переходного типа от буквослагательного и слогового метода к звуковому с элементами анализа и синтеза. В дальнейшем буквари составлялись по звуковому аналитико-синтетическому методу, предложенному Ушинским. (Из Педагогической энциклопедии) – *Ред.*

не дала убедительных результатов, но Толстой настаивал на своем.

А вот неудачу «Азбуки» Лев Николаевич был вынужден признать. Он заново пишет краткое и доступное для детей пособие, которое называет «Новая азбука». Оно может быть использовано при любой методике обучения чтению. Остальные тома «Азбуки» были переработаны в отдельные учебники. «Новая азбука» получила широкое признание и на этот раз была рекомендована Министерством народного просвещения для всех учебных заведений. Она выдержала в дореволюционное время 28 изданий (последнее – в 1918 г.).

Толстой одержим новой идеей – организовать двухгодичные учительские курсы. Предполагалось, что на них будет учиться не менее 50 человек, но в результате удалось набрать только 12 желающих. Толстой был вынужден отказаться от своей идеи.

Воспитание в семье

Но педагогика не отпускает. Уже в 1865 году в письме к своему другу и родственнице А.А. Толстой Лев Николаевич признается: «Я все много думаю о воспитании, жду с нетерпением времени, когда начну учить своих детей, собираюсь тогда открыть новую школу и собираюсь написать резюме всего того, что я знаю о воспитании, и чего никто не знает или с чем никто не согласен».

В 60-70-е гг. у Л.Н. Толстого окончательно складывается подход к семейному воспитанию. Родители прежде всего должны были понять, что только когда весь уклад семейной жизни будет покоиться на здоровых началах, возможно правильное воспитание детей. Пример жизни родителей оказывает на детей огромное влияние, силу которого трудно переоценить. «Если отец, мать, – отмечал Толстой, – одеваются, едят, спят умеренно и работают и учатся, то дети будут то же делать». Язык жизни и примера «...далеко слышен, и виден, и ясен и большим и малым».

Вся трудность семейного воспитания состоит главным образом в том, что отец и мать не только не ведут борьбы со своими недостатками, но не хотят видеть их, оправдывая в себе эти недостатки. В то же самое время они требуют от детей хорошего поведения. В результате получается, что дети, которые очень наблюдательны и проницательны, видят ли-

цемерие родителей, теряют к ним уважение и интерес к их поучениям.

Совсем плохо бывает тогда, когда дети вполне убеждаются в том, что родители живут перед ними двойной жизнью – показной и скрытной. Это выбивает детей из колеи и толкает их также на путь лицемерия. Правдивость в отношениях родителей с детьми является, по мнению Толстого, главным условием, обеспечивающим духовное влияние старших на детей.

В обращении с детьми, советовал Толстой, родители должны избегать кокетства, ссор, недоброты и неровностей любви, т. е. всего того, что создает в семье нездоровую обстановку, излишне возбуждающую нервную систему детей. Отец и мать обязаны стремиться к тому, чтобы в семье была атмосфера ласкового, справедливого отношения к детям.

Толстой был убежденным сторонником физического развития детей. Сам он укреплял здоровье разнообразными средствами: пешеходными прогулками, охотой, ездой верхом, плаванием, катанием на коньках, занимался гимнастикой и сельскохозяйственным трудом. В расцвете лет обладал большой физической силой, поднимая одной рукой до пяти пудов. Неудивительно поэтому, что Толстой всегда был против изнеженности детей, требуя, чтобы семья уделяла физическому развитию большое внимание. Игры на свежем воздухе, прогулки, гимнастика, ручной труд, простая, здоровая пища укрепляют силы детей, делают их выносливыми и

неприхотливыми.

Семья должна содействовать обогащению детского ума полезными сведениями и знаниями. Поэтому необходимо, чтобы отец и мать следили за кругом чтения своих детей, знакомили их с явлениями природы, пробуждая любознательность к окружающему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.